

епископ Феофан

Путь ко спасению

Выпуск второй

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Е67

Е67 **епископ Феофан**
Путь ко спасению: Выпуск второй / епископ Феофан – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 123 с.

ISBN 978-5-458-15576-2

Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетике). Сочинение епископа Феофа-
на. Выпуск второй. О началах христианской жизни через покаяние, или
о покаянии и обращении грешника к Богу.

ISBN 978-5-458-15576-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

щагося, или расстающагося съ жизнію, въ чаяніи однакожь воспріятія новой.

Это болѣзненно, но спасительно, и такъ неизбѣжно, что кто не ощущалъ такого болѣзненнаго перелома, тотъ не начиналъ еще жить чрезъ покаяніе. И нѣтъ надежды, чтобъ человѣкъ возмогъ и сталъ очищать себя во всемъ, не прошедши чрезъ это горнило. Рѣшительное и живое противленіе грѣху бываетъ только отъ ненависти къ нему; ненависть къ нему отъ чувства зла отъ него; чувство же зла отъ него испытывается во всей силѣ въ этомъ болѣзненномъ переломѣ въ покаяніи. Тутъ только всѣмъ сердцемъ ощущаетъ человѣкъ, сколь великое зло есть грѣхъ; затѣмъ послѣ и будетъ бѣжать отъ него, какъ отъ огня геенскаго. Безъ этого же болѣзненнаго испытанія, хоть и станетъ себя очищать иной, но будетъ очищать только слегка, больше внѣшно, чѣмъ внутренно, больше въ дѣлахъ, чѣмъ въ расположеніяхъ; а потому и сердце его будетъ все оставаться нечистымъ, какъ не переплавленная руда.

Такое измѣненіе производится въ человѣческомъ сердцѣ божественною благодатію. Только одна она можетъ воодушевить человѣка поднять руку на себя, чтобъ заклать себя и принести Богу въ жертву. *Никтоже можетъ прійти ко Мнѣ, аще не Отецъ, Пославый Мя, привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Сердце новое и духъ новый подаетъ самъ Богъ (Іезек. 36, 26). Человѣку самому жаль себя. Слившись съ плотію и грѣхомъ, онъ сталъ одно съ ними. Раздвоить его

и вооружить противъ себя можетъ только сторонняя, высшая сила.

Такъ, измѣненіе грѣшника производить благодать, однакожь не безъ свободнаго желанія. Въ крещеніи благодать дается намъ въ моментъ совершенія надъ нами сего таинства; а свободное произволеніе приходитъ послѣ и усваиваетъ себѣ данное. Въ покаяніи же свободное желаніе должно участвовать въ самомъ актѣ измѣненія.

Измѣненіе на лучшее, обращеніе къ Богу, какъ будто должно быть мгновеннымъ или минутнымъ, какъ это и бываетъ. Но, приготовительно, оно проходитъ нѣсколько оборотовъ, означающихъ сочетаніе свободы съ благодатію, гдѣ благодать овладѣваетъ свободою, и свобода подчиняется благодати,—оборотовъ необходимыхъ у всякаго. Одни проходятъ ихъ скоро, у другихъ же это продолжается цѣлые годы. Все, что здѣсь происходитъ, кто можетъ изслѣдить, особенно когда очень разнообразны способы благодатнаго дѣйствованія на насъ, и безчисленны состоянія людей, на коихъ она начинается дѣйствовать? Должно однакожь ожидать, что, при всемъ разнообразіи, есть здѣсь одинъ общій порядокъ измѣненія, котораго никто миновать не можетъ. Всякій кающійся есть живущій во грѣхѣ,—и всякаго изъ таковыхъ перетворяетъ благодать. Посему, на основаніи понятія о состояніи грѣшника вообще, и отношеніи свободы къ благодати, и можно теперь изобразить сей порядокъ и опредѣлить правилами.

Состояніе грѣшника.

Грѣшника, коему предлежитъ необходимость обновляться въ покаяніи, слово Божіе большею частію изображаетъ погруженнымъ въ глубокій сонъ. Отличительная черта такихъ лицъ не всегда явная порочность, но собственно отсутствіе этой воодушевленной, самоотверженной ревности о богоугожденіи, съ рѣшительнымъ отвращеніемъ ко всему грѣховному,—то, что у нихъ благочестіе не составляетъ главнаго предмета заботъ и трудовъ, что они, заботливые о многомъ другомъ, совершенно равнодушны къ своему спасенію, не чувствуютъ, въ какой опасности находятся, не радятъ о доброй жизни, и проводятъ жизнь, холодную къ вѣрѣ, хоть иногда исправную и безукоризненную со-виѣ.

Это общая черта. Въ частностяхъ безблагодатный вотъ какимъ является:

Отвратившись отъ Бога, человѣкъ останавливается на себѣ, и себя поставляетъ главною цѣлію всей своей жизни и дѣятельности. Это уже и потому, что, послѣ Бога, нѣтъ для него ничего выше себя самаго; особенно же потому, что, получивъ прежде отъ Бога всякую полноту, а теперь опустѣвши отъ Него, снѣшить онъ и заботится, какъ бы и чѣмъ бы себя наполнить. Образовавшаяся въ немъ пустота, чрезъ отпаденіе отъ Бога, непрестанно возжигаетъ въ немъ ничѣмъ неудовлетворимую жажду,—неопредѣленную, но непрестанную. Человѣкъ сталъ без-

донною пропастью; всеусиленно заботится онъ наполнить сію бездну,—но не видитъ и не чувствуетъ наполненія. Отъ того весь свой вѣкъ онъ въ потѣ, трудѣ и великихъ хлопотахъ: занять разнообразными предметами, въ коихъ чаеъ найти утоленіе снѣдающей его жажды. Предметы сіи поглощаютъ все вниманіе, все время и всю дѣятельность его. Они—первое благо, въ коихъ живетъ онъ сердцемъ. Отсюда понятно, почему человекъ, поставляя себя исключительною цѣлю, никогда не бываетъ въ себѣ, а все—внѣ себя, въ вещахъ сотворенныхъ или изобрѣтенныхъ суетою. Отъ Бога, Который есть полнота всего, отпаль; самъ пустъ; осталось какъ бы разлиться по бесконечно-разнообразнымъ вещамъ и жить въ нихъ. Такъ грѣшникъ жаждетъ, зоботится, суетится о предметахъ внѣ себя и Бога, о вещахъ многихъ и разнообразныхъ. Почему характеристическая черта грѣховной жизни есть, при безопасности о спасеніи, забота о многомъ, *многопопечительность* (Лук. 10, 41).

Оттѣнки и отличія сей многопопечительности зависятъ отъ свойства образовавшихся въ душѣ пустотъ. Пустота ума, забывшаго о Единомъ, Который есть все, рождаеъ заботу о многознаніи, развѣдываніе, пытаніе, пытливость. Пустота воли, лишившейся обладанія Единымъ, Который есть все, производитъ многожеланіе, стремленіе къ многообладанію или всеобладанію, чтобъ все было въ нашей волѣ, въ нашихъ рукахъ: это любоиманіе. Пустота сердца, лишившагося наслажденія Единымъ, Который есть все, образуеъ жажду удовольствій многихъ и разно-

образныхъ, или исканіе тѣхъ безчисленныхъ предметовъ, въ коихъ чаемъ найти услажденіе своихъ чувствъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Такъ грѣшникъ непрестанно въ заботахъ о многознаніи, многослѣдованіи, многонаслажденіи: услаждается, овладѣваетъ, пытается. Это — круговращеніе, въ коемъ кружится онъ весь свой вѣкъ. Пытливость манитъ, сердце чаетъ вкусить сласти и увлекаетъ волю. Что это такъ, — всякій можетъ повѣрить самъ, устройвъ наблюденіе надъ движеніями души своей, въ продолженіи хоть одного дня.

Въ круговращеніи этомъ и пребывавъ бы грѣшникъ, еслибъ его оставить одного: такова ужъ природа наша, когда состоитъ въ рабствѣ грѣху. Но это круговращеніе въ тысячу разъ увеличивается и усложняется отъ того, что грѣшникъ не одинъ. Есть цѣлый міръ лицъ, кои то и дѣлаютъ, что пытаются, услаждаются, стяжаютъ, кои всѣ, въ сихъ видахъ, пріемы привели въ порядокъ, подчинили законамъ, поставили въ необходимость всѣмъ, принадлежащимъ къ ихъ области, кои при взаимномъ союзѣ, приходя неизбежно въ соприкосновеніе, трутъ другъ друга, и въ семъ треніи только возвышаютъ въдесятыя, сотыя и тысячныя степени пытливости, любоиманія и самоуслажденія, въ ихъ распаленіи поставляя все свое счастье, блаженство и жизнь. Это *міръ суетный*, коего занятія, обычаи, правила, связи, языкъ, увеселенія, развлеченія, понятія — все, отъ малаго до великаго, пропитано духомъ тѣхъ трехъ изчадій многопопечительности, и составляетъ

безотрадное крушеніе духа міролюбцевъ. Состоя въ живомъ союзѣ со всѣмъ этимъ міромъ, всякій грѣшникъ опутывается тысячесплетенною его сѣтію, закутывается въ нее глубоко-глубоко, такъ что его самого и не видно. Тяжелое бремя лежитъ на всемъ лицѣ грѣшника-міролюбца и на каждой его части; такъ что и малымъ чѣмъ пощевельнуться не по-мірски не имѣетъ онъ силъ, потому что тогда необходимо бываетъ ему поднять, какъ бы тысяченудовую тяжесть. Потому за такое неосиливаемое дѣло и не берется никто, и не думаетъ никто браться, но всѣ живутъ, движась по той колесѣ, въ какую попали.

Къ большей еще бѣдѣ, въ мірѣ семь есть свой князь, единственный по лукавству, злобѣ и опытности въ обольщеніяхъ. Чрезъ плоть и вещественность, съ коими смѣсилась душа по паденіи, имѣетъ онъ къ ней свободный доступъ, и, подступая разносторонно, разжигаетъ въ ней пытливость, любоиманіе, сластолюбивую самоутѣшность; разными своими прельщеніями держать въ нихъ безвыходно, разными подущеніями наводитъ на планы въ удовлетвореніе ихъ, и потомъ или помогаетъ выполнить ихъ, или разоряетъ указаніемъ другихъ сильнѣйшихъ плановъ, все съ одною цѣлію—продлить и углубить пребываніе въ нихъ. Это и составляетъ смѣну мірскихъ неудачъ и удачъ, Богомъ неблагоприятныхъ. Князь сей имѣетъ цѣлое полчище слугъ, подчиненныхъ себѣ духомъ злобы. Въ каждое мгновеніе быстро носятъ они по всѣмъ предѣламъ обитаемаго міра, чтобы тамъ засмѣнять одно, въ дру-

гомъ мѣстѣ другое, углублять запутанныхъ въ сѣти грѣха, подновлять пути, ослабѣвшіе и порвавшіеся,— особенно же блюсти, чтобъ никто не вздумалъ разрѣшиться отъ ихъ узъ и выйти на свободу. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, они поспѣшно стекаются вокругъ своевольника, сначала по одному, потомъ отрядами и легіонами, а наконецъ всѣмъ полчищемъ,— и это въ разныхъ видахъ и приѣмахъ, чтобъ заградить всѣ исходы, починивать нити сѣти, и, по другому сравненію, опять столкнуть въ бездну начавшаго выбираться изъ ней по крутизнѣ. Есть у этого невидимаго царства духовъ особыя мѣста—тронныя, гдѣ составляются планы, получаютъ распоряженія, принимаются отчеты съ одобреніемъ или укоромъ дѣятелей. Это глубины сатанины, по выраженію св. Іоанна Богослова. На землѣ, въ средѣ царства ихъ изъ людей, мѣста сіи суть союзы злодѣевъ, развратниковъ, особенно невѣровъ-кошунниковъ, кои дѣломъ, словомъ и писаніемъ всюду разливаютъ мракъ грѣховный и заслоняютъ свѣтъ Божій. Органъ, коимъ выражаютъ они здѣсь свою волю и власть, есть совокупность обычаевъ мірскихъ, пропитанныхъ грѣховными стихіями, всегда одуряющихъ и отвлекающихъ отъ Бога.

Вотъ строй грѣховной области! Всякій грѣшникъ— весь въ ней, но держится преимущественно чѣмъ либо однимъ. И это одно, можетъ быть, на видъ иногда очень сносно и даже одобрительно. У сатаны одна забота, чтобы то, чѣмъ человекъ весь занятъ, гдѣ его сознаніе, вниманіе, сердце,— было

не Богъ единственно и исключительно, а что нибудь внѣ Его, чтобы, прилѣпившись къ сему уму, волею и сердцемъ, онъ имѣлъ то вмѣсто Бога, и о томъ только заботился, о томъ развѣдывалъ, тѣмъ улаждался и обладалъ. Здѣсь не только страсти плотскія и душевныя, но и вещи благовидныя, какъ, наприкладъ, ученость, художественность, житейскость — могутъ служить узами, коими держитъ сатана ослѣпленныхъ грѣшниковъ въ своей власти, не давая имъ опомниться.

Если посмотрѣть на грѣшника, въ его внутреннемъ настроеніи и состояніи, то окажется, что онъ иногда и много знаетъ, но слѣпъ въ отношеніи къ дѣламъ Божиимъ и къ дѣлу своего спасенія; что онъ хоть непрестанно въ хлопотахъ и заботахъ, но бездѣйственъ и безпеченъ въ отношеніи къ устроенію своего спасенія,—что онъ хоть непрестанно испытываетъ тревоги или улады сердца, но совершенно нечувствителенъ ко всему духовному. Въ отношеніи къ сему, грѣхомъ поражены всѣ силы существа, и въ грѣшникѣ качествуютъ ослѣпленіе, нерадѣніе и нечувствіе. Не видитъ онъ своего состоянія, а потому не чувствуетъ и опасности своего положенія; не чувствуетъ опасности своей, а потому не заботится и избавиться отъ ней. Ему и на мысль не приходитъ, что нужно измѣняться и спасаться. Онъ въ полной, ничѣмъ не колеблемой увѣренности, что состоитъ въ своемъ должномъ чинѣ, что ему нечего болѣе желать, что такъ всему и должно оставаться, какъ оно есть. А потому всякое напоминаніе о

другомъ родѣ жизни считаетъ лишнимъ для себя, не внимаетъ ему, дажо понять не можетъ, къ чему оно, — чуждается его и бѣгаетъ.

Дѣйствіе Божіей благодати.

Мы сказали, что грѣшникъ есть тоже, что человекъ, погруженный въ глубокій сонъ. Какъ крѣпко спящій, какая бы ни приблизилась опасность, не проснется самъ и не встанетъ, если не подойдетъ кто сторонній и не разбудить его, — такъ и тотъ, кто погруженъ въ грѣховный сонъ, не опомнится и не встанетъ, если не придетъ къ нему на помощь божественная благодать. По безпредѣльному милосердію Божію, она и готова для всѣхъ, всѣхъ обходитъ и всякому внятно вызываетъ: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. 5, 14).

Такое сравненіе грѣшниковъ съ спящими дастъ точки для всесторонняго разсмотрѣнія обращенія ихъ къ Богу. Именно: спящій пробуждается, встаетъ, собирается идти на дѣло. И грѣшникъ, обращающійся и кающійся, *возбуждается* отъ грѣховнаго усыпленія, доходитъ до *рѣшимости* измѣниться (встаетъ), и наконецъ *облекается силою* на новую жизнь въ таинствахъ покаянія и причащенія (готовъ на дѣло). Въ притчѣ о блудномъ сынѣ эти моменты указаны такъ: въ *себѣ пришелъ* — опомнился; *оставъ идущу* — рѣшился оставить прежнюю жизнь; и *оставъ, иде*; при чемъ онъ говоритъ отцу: *согрѣ-*

и ихъ — покаяніе, а отецъ облакаетъ его въ одежды (оправданіе и разрѣшеніе отъ грѣховъ) и уготовляетъ ему трапезу (св. причащеніе).

Такимъ образомъ, въ обращеніи грѣшниковъ къ Богу, есть три момента: 1) возбужденіе отъ грѣховнаго сна; 2) восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ и посвятить себя богоугожденію; 3) облеченіе силою свыше на дѣло сіе въ таинствахъ покаянія и причащенія.

Пробужденіе грѣшника отъ грѣховнаго сна.

Пробужденіе грѣшника есть такое дѣйствіе Божіей благодати въ сердцѣ его, вслѣдствіе котораго онъ, какъ отъ сна пробужденный, *видитъ* свою грѣховность, *чувствуетъ* опасность своего положенія, начинаетъ страшиться за себя и *заботится* о томъ, какъ бы избавиться отъ своей бѣды и спастись. Прежде онъ былъ въ отношеніи къ спасенію слѣпъ, нечувствень и безпечень; теперь и видитъ, и чувствуетъ и заботится. Но это еще не измѣненіе, а только возможность измѣненія и призваніе къ тому. Благодать только говоритъ здѣсь грѣшнику: „видишь, куда зашелъ; смотри же, возьми мѣры ко спасенію.“ Она только изъеялетъ его изъ всегдашнихъ его узъ, ставитъ и держитъ внѣ ихъ, давая ему такимъ образомъ возможность избрать совсѣмъ новую жизнь и опредѣлить себя на нее. Воспользуется симъ, — благо ему; не воспользуется, опять будетъ брошенъ, опять погрузится въ тотъ же сонъ и ту же бездну пагубы.